

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ
- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Часть II

Дуйсенбеков Даулет Дубекович - д-р психологии, проф.,
Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Алмата, Респ. Казахстан, dauletdd@mail.ru

Аннотация. Проблема сознания в психологической науке является центральной и системообразующей, как исторически (различные психологические школы строили свои теории и концепции, либо основываясь на фактах сознания, либо пытаясь их игнорировать), так и структурно (практически во всех построениях системы психических явлений сознание выступает в качестве ведущей морфологической основы психики человека). Помимо и до психологического анализа этой проблемы выделяется трактовка сознания как философской категории, в соответствии с которой "сознание обозначает субъективную форму (целесообразность) человеческой жизнедеятельности, в отличие от ее объективного содержания (ее материальных условий, предметов и средств)" [1, 347].

Ключевые слова: общая психология, сознание, методология.

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN PSYCHOLOGY
- METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ANALYSIS

Part II

Duisenbekov Daulet Dubekovich - Doctor of Psychology, Professor,
Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Rep. Kazakhstan, dauletdd@mail.ru

Annotation. The problem of consciousness in psychological science is central and system-forming, both historically (various psychological schools have built their theories and concepts, either based on the facts of consciousness, or trying to ignore them), and structurally (in almost all constructions of the system of mental phenomena, consciousness acts as the leading morphological basis of the human psyche). In addition to and before the psychological analysis of this problem, the interpretation of consciousness as a philosophical category is highlighted, according to which "consciousness denotes the subjective form (expediency) of human life activity, in contrast to its objective content (its material conditions, objects and means)" [1, 347].

Keywords: general psychology, consciousness

Проблема сознания в психологической науке является центральной и системообразующей, как исторически (различные психологические школы строили свои теории и концепции, либо основываясь на фактах сознания, либо пытаясь их игнорировать), так и структурно (практически во всех построениях системы психических явлений сознание выступает в качестве ведущей морфологической основы психики человека). Помимо и до психологического анализа этой проблемы выделяется трактовка сознания как философской категории, в соответствии с которой "сознание обозначает субъективную форму (целесообразность) человеческой жизнедеятельности, в отличие от ее объективного содержания (ее материальных условий, предметов и средств)" [1, 347].

А.Н. Леонтьев (1903-1979), разработавший общепсихологическую теорию деятельности, определяет сознание как психическую реальность, непосредственно открывающуюся субъекту, "в которую включен и он сам, его действия и состояния" [3, 125]. Сознание, как считает А.Н. Леонтьев, следует рассматривать с точки зрения его "психологической многомерности", главными компонентами которой являются чувственная ткань, значения и личностный смысл.

Чувственная ткань "образует чувственный состав конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или даже только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д. ... Особая функция чувственных образов состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту" [3, 133-134]. Категория чувственной ткани вбирает в себя традиционную феноменологию ощущений, процессов восприятия и эмоциональных состояний, но в то же время она акцентирует специфику именно человеческого сознания в отличие от психики животных, так как, благодаря сознательной рефлексии "субъект способен дифференцировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле. Первое представлено сознательными "значимыми" образами, второе – собственно чувственной тканью" [3, 137]. Психические чувственные образы, характерные для человека, имеют предметную отнесенность и "порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром" [3, 139].

Значения как важнейшие "образующие" сознания отражают чувственные образы, которые стали означенными в целенаправленной деятельности. Являясь таковыми, "значения преломляют мир в сознании

человека ... в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой" [3, 140-141]. Традиционно считалось, что значения, являясь предметом таких наук как логика, семиотика и лингвистика, фиксируют в языковой форме общественно выработанные способы действия (знания, умения и навыки) и поэтому должны находиться за пределами собственно психологического изучения человека как индивида. В работе Л.С. Выготского, направленной на изучение взаимосвязи и мышления и речи в онтогенетическом и культурно-историческом контекстах, выделяется цепочка феноменов "знак – орудие – слово – значение – обобщение – понятие – общение". Они отражают динамику и последовательность развития психики человеческого индивида, как социально детерминированного процесса и находящихся в соответствии с логикой приоритета внешней (социально детерминированной) речи ребенка над эгоцентрической (обращенной к себе) речью, а также с социальным понятием "зоны ближайшего развития" [7]. Следовательно, если исходить из положения Л.С. Выготского о том что, значение это единство общения и обобщения, а также единство мышления и речи, то в таком случае значение можно рассматривать в качестве своеобразного инструмента сознания человека. Посредством формируемых значений человек приобщается и присваивает опыт предшествующих поколений в виде системы знаний, социальных, правовых и культурных образцов поведения, т.е. в той или иной мере реализует собственный путь психосоциального развития. А.Н. Леонтьев, говоря о "реальной двойственности существования значений для субъекта", подчеркивает то, что "значения выступают перед субъектом и в своем независимом существовании – в качестве объектов его сознания и вместе с тем в качестве способов и "механизма" осознания, т.е. функционируя в процессах, презентующих объективную действительность. В этом функционировании значения необходимым образом вступают во внутренние отношения, которые связывают их с другими "образующими" индивидуального сознания; в этих внутренних отношениях они единственно обретают свою *психологическую* характеристику" [3, 146-147]. Таким образом, в рамках психологического анализа значения можно рассматривать как психические явления сознания человека, причем не как статичные, а динамичные, находящиеся в движении феномены. Одной стороной такого движения является чувственно-предметная отнесенность значений, т.е. их привязка к репрезентируемым в сознании субъекта конкретным предметам и явлениям. Другая сторона связывает значения с индивидуальностью, в более широком и глубинном плане с личностью, что в

системе индивидуального сознания придает им особую субъективность или пристрастность, преобразующую их в личностные смыслы.

Личностные смыслы как система "образующих" индивидуального сознания возникают как следствие и результат субъективации значений субъектом. Будучи производными общественного сознания, "значения преломляются конкретными особенностями индивида, его прежним опытом, своеобразием его установок, темперамента и т.д." [3, 146] и уже в стадии ранней социализации не полностью совпадают с исходными образцами. Поэтому прошедшие такую трансформацию значения можно расценивать как личностные смыслы, причем тем больше, чем большим индивидуальным своеобразием, личностной самобытностью характеризуется субъект. Конечно, эта связь не является одномерной: какие-то значения усваиваются, не преобразовываясь (в силу их очевидности, меры их принятия субъектом), какие-то трансформируются в личностные смыслы в связи с характером их особой субъективности или силы пристрастности для сознания человека. Здесь очевидно своеобразие связи сознания человека с объективной действительностью, в русле которой осуществляется деятельность (планируется, организуется, управляется), а также с личностными образованиями (установками, мотивами, стремлениями, идеалами). Личностные смыслы порождаются в результате рефлексии значений в сознании субъекта, особую роль в которой (рефлексии) играет самосознание субъекта. В процессе такой рефлексии происходит дифференциация и одновременное соединение двух видов чувственности – внешних чувственных впечатлений, порождаемых деятельностью и чувственных переживаний мотивов деятельности, степени удовлетворения или неудовлетворения потребностей, вызвавших эти мотивы. Ведущая роль личностных смыслов, по А.Н. Леонтьеву, заключается в *создании пристрастности человеческого сознания*. А само же сознание человека это "внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания" [3, 157].

Таким образом, современное психологическое исследование, центрированное на традиционной феноменологии сознания, рассматривает свои переменные с позиций деятельностного и структурно-динамического подходов. Первый из них акцентирует активную и преобразующую сторону сознания, поскольку "по мере того как из жизни и деятельности человека, из его непосредственных безотчетных переживаний выделяется рефлексия на мир и на самого себя, психическая деятельность начинает выступать в качестве *сознания*" [8, 259-260]. Вместе с тем сознание человека, являясь подобно двуликому Янусу,

как рефлексией внешнего мира, так и выражением собственной психической деятельности, которая "в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния" [3, 125]. Второй подход стремится к раскрытию содержательной природы сознания, его характерных психических компонентов в их единстве и многообразии. В терминах соотношения перцепции как сведений извне и апперцепции как внутреннего опыта (В. Вундт), психических процессов – образных и эмоциональных в отражательном аспекте, побудительных и исполнительных в регуляционном аспекте (С.Л. Рубинштейн), чувственной ткани, значений и личностных смыслов как психологических образующих сознания (А.Н. Леонтьев) представлены ставшие классическими подходы к описанию структурных составляющих сознания.

В этом плане весьма интересной представляется трактовка двухслойной структуры сознания В.П.Зинченко. Разделяя давнюю идею Л.Фейербаха о существовании сознания для сознания и сознания для бытия, впоследствии развивавшуюся Л.С.Выготским, он предположил, что "это не два сознания, а единое сознание, в котором существуют два основных слоя: бытийный и рефлексивный" [14]. *Бытийный* (внешний) слой сознания складывается из "биодинамической ткани живого движения", действия и чувственной ткани образа. *Рефлексивный* (внутренний) слой образуется из значения и смысла. Следует отметить, что А.Н.Леонтьев был знаком с введенным Н.А.Бернштейном понятием живого движения и его биодинамической ткани и допускал дальнейшее расширение числа психологических образующих сознания.

Биодинамическая ткань – это материал, из которого строятся произвольные движения и целенаправленные действия. Внутренняя форма, картина (сознание) таких движений и действий по мере их построения и усложнения "заполняется когнитивными, эмоционально-оценочными, смысловыми образованиями", связанными с социально-культурным содержанием. В работах Н.А. Бернштейна (1896-1966) понятие биодинамической ткани непосредственно связано с иерархическими уровнями построения живого движения – от уровня простейшей палеокинетической регуляции до уровня предметных, целенаправленных действий и уровня сознательной рефлексии [15]. Далее, П.К. Анохин (1898-1974) в исследованиях обратной-связевой регуляции живого движения и поведения организмов обосновывает понятие и механизм акцептора действия, являющегося системообразующим и определяемым как участок единой работы

функциональной системы организма, в которой строится "модель потребного будущего" [16].

Чувственная ткань теснейшим образом связана с биодинамической тканью, причем обе "обладают свойствами обратимости и трансформируются одна в другую" [14, 25]. Следует отметить, что эта характеристика полипроецируемости понятия чувственной ткани в исследовании Ф.Е.Василюка привела к представлениям:

1) о "чувственной ткани предмета" ("сознание может быть направлено на предмет, но в то же время сфокусировано не на самом предмете, а на впечатлении от предмета" [17, 9];

2) о "чувственной ткани личностного смысла" ("эмоция составляет непосредственную чувственную подкладку личностного смысла. В их соединенности эмоция осмысленна, а смысл эмоционален" [17, 11];

3) о "чувственной ткани значения" – "сознание ... фокусируется на тех чувственных впечатлениях, которые вызывает удержание в уме мысли ... и связанных с нею ассоциациях" [17, 12];

4) о "чувственной ткани слова (знака)" ("сознание останавливается на звучащем слове, не проникая сквозь него к его значению", фиксируется на чувственных впечатлениях от этого слова [17, 15].

Таким образом, четыре версии чувственной ткани позволяют сознанию производить всевозможные ментальные трансформации с воспринимаемой действительностью, обеспечивая ее разностороннюю, качественную и в то же время субъективную оценку. По сути, сознание постоянно осуществляет внутренние акции и реакции, имеющие своей целью трансформацию образа реальности до той формы, которую человек субъективно готов принять. Поэтому развернутый во времени поведенческий паттерн в результате подобной работы сознания может быть зафиксирован в симультанном образе выработанного действия (приспособительного, познавательного, социально-правового и т.п.) и далее сохранен в сознании в форме поведенческого стереотипа.

Значение, понимаемое как содержание общественного сознания, усваиваемое индивидом, в понятийном плане "фиксирует то обстоятельство, что сознание человека развивается не в условиях робинзонады, а внутри культурного целого, в котором исторически кристаллизован опыт деятельности, общения и мировосприятия, который индивиду необходимо не только усвоить, но и построить на его основе собственный опыт" [14, 23]. Вместе с тем, значение рассматривается "как форма сознания, т.е. осознания человеком своего –

человеческого - бытия" (например, правосознание как осознание своего правового бытия), а также "как реальная психологическая "единица сознания" и как факт индивидуального сознания", репрезентированного в различных формах отношений (с самим собой, с окружающей миром). Различные виды значений, представленные в онтогенезе и связанные: с биодинамической тканью – операциональные значения, с чувственной тканью - предметные значения, со смыслом – вербальные значения, также могут быть манифестированы в контексте психосоциального развития индивида.

Смысл, как образующая индивидуального сознания, указывает на то, что оно (сознание) "в силу принадлежности живому субъекту и реальной включенности в систему его деятельностей всегда страстно, ... что сознание есть не только знание, но и отношение" [14, 23]. Поэтому индивидуальное сознание человека и его различные социально-культурные версии (например, правосознание) это не только когнитивная и социально-культурная осведомленность (наличие знаний), но и субъективная форма реализации разнонаправленных отношений (например, правоотношений). Психологическое изучение смыслов связано "с анализом процессов извлечения (вычерпывания) смыслов из ситуации или с "впитыванием" их в ситуацию", что может быть реализовано и в плане их проекции на ту или иную правовую ситуацию. В.П.Зинченко отмечает, что большой интерес представляет то, "как смысл рождается в действии". При этом, если индивид вначале бездумно имитирует чьи-либо действия (например, паттерны правового поведения) в контексте "зоны ближайшего развития" (Л.С.Выготский), то по мере их "присвоения", т.е. присоединения к общепринятому значению или самостоятельного осмысления, он формирует и развивает структуру собственного сознания, наращивая и конструируя все новые и новые смыслы, трансформируясь тем самым в то, что называется личностью. Когнитивная, культурная, политическая и правовая формы социализации индивида предоставляют широкий спектр феноменологии подобных превращений.

Психологическая структура сознания весьма динамична и для нее характерны процессы взаимной трансформации как биодинамической ткани живого движения и чувственной ткани образа, так и значений и смыслов. Если на тех или иных несовпадениях значений и смыслов (явление семантического сдвига) возможно возникновение конфликта (внутреннего-субъективного, внешнего-социального, правового), то, по мнению В.П.Зинченко, особое значение приобретает изучение процессов *означения смыслов* и *осмысления значений*. Поэтому изучение процессов означения индивидом познавательных, социально-культурных и правовых смыслов и субъективного осмысления

познавательных, социально-культурных и правовых значений может быть реализовано с учетом особенностей его (индивида) культурно-правовой идентификации и адаптации к инновациям, заимствованным извне, т.е. в кросс-культурном контексте.

С рассмотренными позициями соотносятся выводы исследований взаимосвязи индивидуального и общественного сознания. В то же время, начиная с положения Дж.Мида о том, что "внутреннее сознание социально организовано в результате внесения в него социальной организации внешнего мира", до ставшего аксиомой тезиса Л.С.Выготского о принципиальном характере внешнего социально-культурного воздействия во внутреннее содержание сознания, в социально-центрированном человекознании доминирует идея первичности социального по отношению к индивидуальному. Последнее выражается в том, что высшие психические функции являются изначально интерпсихическими (социально-детерминированными) и только затем в процессе усвоения они становятся интрапсихическими, характеризую конкретного индивида. В результате сознание индивида предстает в роли зеркала, в котором отражаются внешние социальные отношения, а сам человек является "клоном", созданным по конкретной социальной матрице. Получается, что заведомо структурированное по определенному типу общество (демократия, теократия, монархия), интериоризируя (в смысле, внедряя) типичные для него социально-культурные и правовые отношения в подрастающее поколение, получает и личность соответствующего типа.

А.А.Митькин, отмечая, что если в онтологическом плане "все человеческое сознание социально по своей природе" и в генетическом плане "социальная природа человеческого сознания возникает в процессе интернализации внешнего социального опыта в сознании индивида в процессе социализации индивида" [18, 106], в то же время подвергает сомнению правомерность принципа социально-культурной интериоризации. Далее, он формулирует положение о том, что "целостность психики индивида и многие особенности межиндивидуальных связей невозможно понять, не признав существования в сознании человека некоего сугубо индивидуального "ядра", невыводимого из характера социальных отношений. Именно это ядро служит той базой для формирования сложной человеческой личности, в которой индивидуальное и социальное переплетаются в диалектическом противоречии" [18, 106]. Автор считает это ядро центральным звеном *уникальности* человека, который, будучи индивидом, индивидуальностью и личностью, в то же время является субъектом, "планирующим и реализующим свои действия, и носителем высших духовных ценностей" [18, 108].

Можно предположить, что это индивидуальное "ядро" сознания человека как раз и является той инстанцией, которая задает направленность процессов означения смыслов и осмысления значений, индивидуальное своеобразие личностной идентичности, принятие, индифферентное восприятие или неприятие социально-правовой реальности, как например реализацию познавательной, оценочной и регулятивной функций правосознания, по А.Р. Ратинову в поле правоотношений и в контексте правового поведения [19]. Если в терминах традиционной психологии сознания это "ядро" будет отождествляться с самосознанием, характерным для индивида набором "детерминирующих тенденций" (Н. Ах) или "мысленных интенций" (К. Штумпф, О. Кюльпе) , со структурными составляющими "Я" - реальное, идеальное, зеркальное (У. Джемс, Э. Бернс), с концепцией психофрактала (соционика, ментология личности), то в терминах теории функциональных систем его аналогом будет введенное П.К. Анохиным понятие "акцептора действия", который постоянно осуществляет сверку результатов поведения с целевыми установками организма и в случае их расхождения производит их корректировку [16].

Понятно, что такое соотнесение достаточно условно, в то же время оно оказывается продуктивным как для общепсихологической проблемы сознания и самосознания, так и для дальнейшего развития общепсихологической проблемы правосознания, правоотношений и правового поведения. Так, А.Н.Леонтьев, развивая деятельностный подход, постулирует положение о деятельности как "молярной, неаддитивной единице жизни" человека и, следовательно, о психической деятельности как образующей психической реальности, реальности сознания [3]. В.П.Зинченко в контексте этой же парадигмы обосновывает постановку проблемы действия как единицы жизни и, соответственно, психического действия как целостной и морфологической единицы психики в единстве ее отражательной и регулятивной сторон [14].

Поэтому вполне допустимо трактовать сознание человека как устойчивую и в то же время достаточно гибкую функциональную систему психической деятельности, оснащенную механизмами избирательной переработки, сохранения и извлечения поступающей стимуляции и иерархической регуляции собственной активности по принципу обратной связи, с оперативным учетом изменений во внутреннем и внешнем поле. Как и для любой функциональной системы здесь необходимо наличие системообразующего фактора, в качестве которого может выступить "*чувствительность*" как особая генетическая формы раздражимости, ориентирующая организм на воздействия абиотических стимулов

(А.Н.Леонтьев). В русле генезиса и становления сознания, это не что иное, как особая, социально и культурно обусловленная *"смыслозначащая чувствительность"*, формирующаяся, развивающаяся и трансформирующаяся на протяжении всей жизни человека. Другими словами, это своеобразный *"ментальный акцептор действия системы сознания"*, в котором отражается, переживается, преобразуется, означается и осмысливается и при необходимости выстраивается вновь и вновь "модель потребного прошлого, настоящего и будущего". Такая социально и культурно детерминированная чувствительность может принимать различные формы. Так, например, с позиций общепсихологической проблемы правосознания здесь возникает возможность говорить о социально и культурно обусловленной *"смыслозначащей правовой чувствительности"*, определяющей векторизацию познавательной, оценочной, регулятивной и рефлексивной функций правосознания человека, а также о *"правовом акцепторе действий"* как системообразующем факторе функциональной системы правосознания человека, предопределяющем готовность человека реагировать и действовать в той или иной правовой ситуации. При этом следует отметить, что правосознание, как и любой другой результат социально-культурной детерминации индивидуального сознания, не является самостоятельной формой сознания, а формируется в ходе социализации человека в гетерохронной связи с формированием его самосознания.

Между тем изучение сознания человека в контексте исторического развития приводит к выделению его форм или ступеней. Так, А.А. Потебня (1835-1891), исходя из постулата единства сознания и языка, различает "две ступени в историческом развитии сознания: ступень мифологического сознания и следующую за ним ступень, когда развиваются одновременно формы научного и поэтического мышления" [цит. по 9, 151]. Миф как производная человеческого сознания это "словесное образование, состоящее из образа и значения". Образ, приводящий к возникновению мифа, "непосредственно вносится в значение и рассматривается как источник познаваемого". Миф, являясь метафорой, не осознается. Но формирующееся в ходе исторического развития человечества научное мышление как способность к анализу и критике и поэтическое мышление как способность к художественной реконструкции необходимым образом приводят к осознанию мифической метафоры или иносказания, вследствие чего "образ и значение в слове разъединяются и осознаются в их истинном отношении" [цит. по 9, 151].

Французский исследователь Л. Леви-Брюль (1857-1939), исходя из положения о том, что различным общественным формациям соответствуют определенные типы мышления, сформулировал концепцию первобытного

мышления. В соответствии с ней сознание первобытного человека и "все его мышление *прелогично и мистично, непроницаемо для опыта и нечувствительно для противоречия*" [цит. по 9, 152] в противопоставлении сознанию цивилизованного человека, чье мышление логично, реалистично, открыто для опыта и чувствительно к противоречиям. Сознание такого примитивного человека определяется, по мнению Л. Леви-Брюля, "коллективными представлениями", религией и идеологией, к созданию которых он (первобытный человек) так или иначе сопричастен. В то же время основой его трудовой деятельности являются инстинкты. Как следствие возникает "необъяснимый парадокс: примитивный человек оказывается соединением двух гетерогенных существ – животного, живущего инстинктом, и мистика, создающего идеологию". Как считает С.Л. Рубинштейн, само же противопоставление двух форм сознания – примитивного и цивилизованного "фактически неправильно и политически реакционно", так как "искусственно вырывает пропасть между культурно отсталыми народами и передовыми, превращая первые по их духовному облику как бы в низшую расу" [9, 153]. Другое дело, если считать пралогическую и логическую формы мышления не историческими фазами, сменяющими друг друга, а сосуществующими в сознании конкретного индивида типами мышления, то это может способствовать более конструктивному пониманию особенностей движения образующих сознания и современного человека, так и людей, существовавших в ту или иную историческую эпоху.

В этом же аспекте анализа швейцарский психолог Ж. Пиаже (1896-1980) различал два вида обществ – традиционные и современные, также как и Л. Леви-Брюль – "примитивные" и "цивилизованные". Ж. Пиаже утверждал, что каждому типу социальной организации соответствует, свой особый тип сознания, своя определенная "ментальность": "Ментальность, называемая примитивной, соответствует конформистским или сегментированным обществам, а рациональная ментальность – нашим дифференцированным обществам" [Piaget, 1995, p.191. Цит. по 20, 107]. Вместе с тем он не соглашался с утверждением Л. Леви-Брюля о том, что между этими двумя типами ментальности не существует преемственности, считая, что примитивное мышление предшествует цивилизованному так же, как детское сознание предшествует взрослому, более рациональному сознанию. Согласно Ж. Пиаже, на становление доминирующего типа ментальности, на когнитивное развитие сознания человека воздействуют четыре основных фактора: 1) *биологические факторы* – вскармливание и состояние здоровья, влияющие на скорость физического созревания; 2) *координации индивидуальных действий* – активной

саморегуляции, уравниванию рывков и толчков аккомодации и ассимиляции; 3) *социальные факторы межличностной координации* – процесс общения, в котором дети "... задают вопросы, делятся информацией, работают сообща, утверждают, возражают и т.д."; 4) *Трансляция культуры и образования* – знания, умения и навыки приобретаются посредством взаимодействия в конкретных социально-культурных институтах. Так как одни общества (современные) обеспечивают в целом более обширный опыт, необходимый для понимания сущности мира, чем другие (традиционные), поэтому и возникают различия, как в скорости, так и в конечном уровне развития. По мнению Ж. Пиаже эти четыре фактора тесно взаимосвязаны и в них специфическим образом проецируется весь диапазон социально-культурных условий того или иного общества, что в результате приводит к формированию особого типа ментальности, социально и культурно обусловленных особенностей сознания и самосознания человека.

Попытки изучения состояний сознания человека предпринимались на стыке религиозной философии (дзен-буддизм и т.п.) и собственно научной психологии. Так, Ч. Тарт, разработавший концепцию дискретных состояний сознания, рассматривает в качестве таковых функционально разнородные состояния, такие как творческие и рациональные состояния, состояния наркотического транса, психоделические, медитативные, мистические и сновидческие [21]. При этом он дифференцирует физические и ментальные аспекты сознания, обозначая их как В и М/Л – системы. В–система (от англ. Brain – мозг) это физические тело, мозг и нервная система, а М/Л – система (от англ. Mind и Life – ум и жизнь) это ментальные проекции сознания на себя (рефлексия) и на окружающий мир (перцепция и мышление). Само же сознание, по словам Ч. Тарта, это "эмергентный фактор – системный эффект, возникающий на взаимодействии В и М/Л – систем" [22, 210]. К Уилбер, предложил концепцию спектра сознания, в соответствии с которой состояния и содержательные характеристики человеческого сознания можно представлять и описывать, подобно тому как в физике описываются компоненты спектра видимых цветов. Многослойность человека непосредственно связана с многослойностью его сознания, в котором выделяются следующие пять уровней:

1. *Уровень Ума (Mind)* – находится вне пространства и времени, бесконечен и вечен и поэтому *единственный, реальный* уровень сознания, остальные являются иллюзорными, человек идентифицирует себя с абсолютной высшей идеей, отраженной в религии или ее отрицании.

2. *Трансперсональные полосы* – сверхиндивидуальная область сознания, в которой возникают архетипы (К. Юнг) и где человек не осознает

своей идентичности с действительностью и в то же время его идентичность не определяется границами его организма, физического тела.

3. *Экзистенциальный уровень* – человек идентифицирует себя со своим психофизическим организмом, со своей телесностью, существующей в конкретном времени и пространстве, отделяет себя от других организмов и окружающей среды.

4. *Уровень Эго* – человек идентифицирует себя с более или менее точным ментальным представлением о себе, образом своего Я, которое расщепляется на Я – психическое и Я – физическое.

5. *Уровень Тени* – определенные жизненные обстоятельства приводят к отчуждению различных аспектов своего сознания и психики, в сфере идентификации остается та часть сознания, которая представляет обедненный и неверный образ себя, т.е. некую тень реального Я. [23, 76-77].

Содержание и структурные элементы человеческого сознания детально анализируются в изысканиях современной когнитивной психологии, которую в методологическом плане называют "неоассоцианизмом" или "неоментализмом" [5], связавшим традиционную психологию сознания с информационным подходом второй половины XX столетия. В данных когнитивной психологии, унаследовавшей традиции структурного описания и объяснения от гештальт-психологии и отслеживания четкой связи между стимуляцией и особенностями ответных реакций от экспериментальной психологии поведения, накоплен чрезвычайно интересный материал, связанный с содержанием обыденного сознания и его функциональных систем применительно к различным формам познавательной активности человека. Выявленные закономерности когнитивных процессов и когнитивных систем человека могут быть творчески экстраполированы и в другие области психологического знания, в частности в дальнейшую разработку общепсихологической проблемы сознания человека.

Американский исследователь Р. Солсо, работающий в парадигме когнитивной психологии, предлагает свое видение структуры сознания человека, которое состоит из трех гибко взаимодействующих типов: аноэтичное, ноэтичное и аутоноэтичное. *Аноэтичное* или "незнающее" сознание связано с текущим восприятием и так называемой "процедурной памятью", ограничено временными рамками и текущей ситуацией и как таковое "позволяет человеку фиксировать признаки окружения и реагировать своим поведением на данную обстановку". *Ноэтичное* или "знающее" сознание связано с мышлением, воображением, снами, в целом с семантической памятью и дает возможность "осознавать объекты, события и их взаимосвязь при отсутствии этих объектов или событий. Это более символический тип сознания по сравнению с

аноэтичным". *Автоноэтичное* или "знающее о себе" сознание является самым сложным типом, "которое связано с эпизодической памятью. Такое сознание необходимо для запоминания лично переживаемых событий". Автоноэтичное сознание "помогает воспроизвести лично пережитое событие, факт из своей прошлой жизни" [24, 112]. В контексте анализируемой проблемы аноэтичное сознание осуществляет сканирование окружающей обстановки и способствует тому, что субъект оперативно, но не всегда адекватно реагирует на изменчивые параметры социальной или, например, правовой ситуации. Ноэтичное сознание способствует когнитивной репрезентации и семантизации как самой социально-культурной или, например, правовой ситуации, а также ее значимых характеристик. Автоноэтичное сознание, скорее всего, связано с индивидуальными особенностями социально-культурной и правовой рефлексии, с осознанием собственного личностного, социального и правового статуса, с переживаниями вины и морального удовлетворения.

Методологически и методически проблема сознания в исследованиях когнитивной психологии чаще всего соотносится с проблемой семантической памяти. По мнению Э. Тулвинга, семантическая память это "умственный тезаурус, который организует знания человека о словах и других вербальных символах, их значениях и референциях, о связях между ними и о правилах, формулах и алгоритмах манипулирования этими символами, понятиями и отношениями" [24, 170]. Семантическая память регистрирует не воспринимаемые свойства входных сигналов, а их когнитивные референты", иначе говоря, значения и смыслы предметов и явлений. Специфика объективной действительности, особенно социально-культурной и правовой реальности такова, что людям чаще всего приходится иметь дело с когнитивными референтами социально-культурных и правовых отношений, социальных и правовых действий.

В зарубежных когнитивных исследованиях детально отработаны понятия "когнитивных карт" и "когнитивных схем", которые могут быть с успехом применены при изучении функциональной системы сознания и правосознания человека. Так, если *когнитивные карты* – это представления человека о знакомом пространственном окружении, причем эти представления носят иерархический характер (Э.Толмен), то вполне допустимо существование подобных когнитивных карт в отношении окружающей человека социально-культурной реальности и правовой действительности. *Схема* – это общее описание ситуации, субъективно представленной в сознании человека (Ф.Бартлетт). При этом когнитивная схема может варьироваться в диапазоне от детального описания, как это имеет место в показаниях свидетелей и очевидцев,

до смыслового описания причинно-следственной фактуры совершенного действия (например, правового или противоправного). Некоторые схемы не могут быть развернуты без *слотов*, т.е. фрагментов, представляющих спецификацию ситуации. Если определенная схема – это когнитивная проекция поступка, то его слотом может быть его скрытый мотив. Когнитивные схемы делятся на *фреймы* и *скрипты*. Если *фреймы* – это преимущественно пространственные схемы (криминалисты, проводя осмотр места происшествия, по сути строят его фрейм), то *скрипты* – это когнитивные сценарии, отражающие организацию событий во времени (например, последовательность действий различных участников происшествия). Наличие таких форм знания помогает человеку решать различные задачи [25].

Дж. Мортон, исследуя процессы смыслового восприятия при чтении, предложил логогенную модель сознания, в соответствии с которой каждая лексическая единица языка представлена в долговременной семантической памяти человека в виде особой структурной единицы – *логогена*. Для логогенов характерны определенные пороговые значения и они могут активизироваться под воздействием как зрительной, так и акустической информации. В условиях использования родного языка логогены гомогенизируют (выравнивают) модальностные различия, способствуя тому, что человек в равной степени легко воспринимает и осмысляет вербальную информацию как в зрительном, так и в акустическом предъявлении [26]. Здесь также можно предположить, что система обыденного сознания человека наряду с лексическими логогенами содержит логогены более глобального плана – социально-культурные, поведенческие и правовые, для активизации которых необходимы свои пороговые значения, связанные с результатами социализации и особенностями смыслового восприятия человеком той или иной правовой ситуации.

Функционирование системы сознания человека в реальных условиях поведения – это мышление в действии. Разрабатывая когнитивную парадигму естественного интеллекта, Б.М. Величковский, определяет мышление "как искусство балансирования между безусловно возможным (сфера обыденного целеполагания) и фантастическим, т.е. безусловно невозможным" [27, 67]. Развитие и достижение результата идет при этом через преодоление различных форм противоречия, например, противоречия между формой и содержанием в искусстве, конфликта между различными способами описания объекта в науке, технического противоречия в производстве [27]. К этому ряду можно добавить извечное противоречие между добром и злом, социальное противоречие между желаемым и возможным, между правом и бесправием. В то же время если рассмотреть вышеприведенную дефиницию мышления в социально-культурном

и правовом контекстах, то оказывается, что нечто, выглядевшее невозможным в одном социально-культурном и правовом контексте, становится вполне допустимым при переходе на иной социально-культурный контекст. По-видимому, в этом и заключается очень тонкий, зачастую, неуловимый переход от определенной формы поведения к совершенно противоположной, переход, осуществляемый сознанием субъекта. Субъекту достаточно переозначить смыслы в структуре собственного сознания или, в других терминах, поменять маркеры своих логотипов.

Такое представление о функционировании сознания соотносится с оригинальной концепцией смысловой архитектоники личности, разработанной В.В. Налимовым, согласно которой "сознание человека – это преобразователь смыслов" [28, 7], которые распаковываются через тексты, сам же человек это многообразие текстов, порождающих еще большее многообразие смыслов. Поэтому "сознание представляется нам скорее всего как некий механизм – процесс, оперирующий смыслами" [28, 224]. Следовательно, сознание человека это – вероятностным образом организованная смысловая емкость, а личность это – семантическая многомерность и многовекторность смыслов, порождаемых, определяемых и принимаемых сознанием человека.

Литература

1. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; НИИ ОПП АПН СССР. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.
2. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
4. Лурия А.Р. Эволюционное введение в психологию. Материалы к курсу лекций по общей психологии. – М.: МГУ, 1975. – 128 с.
5. Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. – М.: МГУ, 1982. – 336 с.
6. Психология сознания / Сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – 480 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 704 с.
10. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
11. Мясищев В.Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: МГУ, 1982. – С. 35-41.
12. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
13. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. – М.: Наука, 1976. – 336 с.
14. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. – С. 15-36.
15. Бернштейн Н.А. Очерки физиологии движений и физиологии активности. – М.: Медицина, 1966. – 176 с.
16. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональных систем // Избранные труды. – М.: Мысль, 1976. – 400 с.
17. Василюк Ф.Е. Структура образа (К 90-летию со дня рождения А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1993. № 5. – С. 5-19.
18. Митькин А.А. О роли индивидуального и коллективного сознания в социальной динамике // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 105-111.
19. Ратинов А.Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии / Отв.ред. Е.В.Шорохова. – М.: Наука, 1977. С. 201-216.
20. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. – М.: "Когито-Центр", Издательство "Институт психологии РАН", 1997. – 432 с.
21. Tart C.T. States of consciousness. N.Y.: Dutton, 1975. – 305 p.
22. Tart C.T. Transpersonal Realities or Neurophysiological Illusions? Toward an Empirically

Testable Dualism (P. 199-222) // The Metaphors of Consciousness (ed. by R.S. Valle and R. von Eckartsberg). N.Y.: Plenum Press, 1981. – 521 p.

23. Wilber K. Psychologia Perennis: The Spectrum of Consciousness (P. 74-86) // Beyond Ego,

Transpersonal Dimensions in Psychology (ed. by R.N. Walsh and F. Vaughan). Los Angeles: Tarcher, 1980. – 272 p.

24. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Под общ.ред. В.П.Зинченко. М.: Тривола, 1996. 600 с.

25. Sanford A. J. Cognition and Cognitive Psychology. N.Y., 1985. – 435 p.

26 Morton J. The logogen model and orthographic structure // U. Frith (ed.). Cognitive processes in spelling. London, 1980.

27. Величковский Б.М. Как устроен естественный интеллект // Природа. 1988. № 12. – С. 62-72.

28. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. - 288 с.